

Глава XLII

Елена и юные родственники из Рочестера всегда были причиной вернуться в этот город, даже если в нём не было запланировано лекций. В этом году появился дополнительный повод посетить родные места: возможность выступить с лекцией на тему войны, а также предстоящее событие, важное для нашей семьи — первый концерт Дэвида Хохштайна с местным симфоническим оркестром.

Арендовать театр «Виктория» для проведения лекции мне помог рабочий-анархист, которого звали Дашута. Идеалист с большой буквы, он оплатил все расходы на организацию митинга из своих скудных сбережений и потратил массу свободного времени, чтобы анонсировать лекцию как можно большему количеству людей. Его помощь значила для меня намного больше, чем «заработок до конца жизни», который предлагали мне богатеи из Чикаго.

По приезду в Рочестер я нашла своих родных в нетерпеливом ожидании грядущего концерта Дэвида. Мне было хорошо известно, как сестре Елене хотелось, чтобы мечты и чаянья её собственной неудавшейся жизни осуществил её младший сын. Едва разглядев в нём намёк на талант, моя робкая сестра обрела решительность и силу для преодоления любых трудностей, которые препятствовали творческой карьере её любимого ребёнка. Она много работала и копила деньги, чтобы её дети, особенно Дэвид, получили те возможности, которых она сама была лишена в жизни, ради этого она была готова пожертвовать всем. Она иногда изливала мне душу во время моих визитов, но никогда не жаловалась, а лишь сожалела, что ей удалось «так мало» сделать для своих любимых.

Наконец её старания увенчались успехом, и наступил звёздный час. Дэвид вернулся из Европы настоящим артистом — ради этого она работала как каторжная. Её сердце трепетало от радости за его успех. Холодные критики, неблагодарная публика — что игра её дорогого сына значила для них? Разглядят ли они его гениальность? Елена отказалась от места в ложе. «Если он меня увидит, это может его отвлечь», — сказала она. Она предпочла сидеть с Яковом на галёрке.

Я слышала Дэвида в Нью-Йорке и знала, как впечатляла всех его игра. Он был истинным артистом. Красивый и импозантный, он эффектно выглядел на сцене. Я не волновалась по поводу его выступления в Рочестере. Однако возбуждение сестры передалось и мне, и весь концерт я думала о ней, ведь её неистовая любовь и надежды наконец осуществлялись. Скрипка Дэвида очаровала публику: зрители прославляли его с восторгом, который редко случается встретить молодому артисту в родном городке.

По приезду в Нью-Йорк ко мне обратилась Ассоциация газетных предприятий, которой руководил конгломерат Скриппса-Говарда, с просьбой написать эссе о том, как американский народ может помочь установлению мира на Земле и развитию политики

доброй воли по отношению к человеку. Для раскрытия этой темы пришлось бы написать целую книгу, но меня попросили «ограничиться» тысячей слов. Тем не менее возможность обратиться к широкой публике нельзя было упускать. В статье я отметила, что первым делом стоило бы пересмотреть завет Христа «Богу — богово, а кесарю — кесарево». Если мы перестанем воздавать хвалу деспотам на небе и на земле, это поможет установить мир среди людей.

Вернувшись из короткого турне, я была удивлена, застав Дональда Воуза в Нью-Йорке. Он выглядел ещё более оборванным, чем в последний раз, и, хотя стоял холодный декабрь, на юноше не было пальто. Каждый день он приходил к нам в редакцию и часами сидел там, «чтобы отогреться», как он говорил. «А что с деньгами, которые вы ждали? — спросила я. — Они пришли?» Он сказал, что получил деньги, но ему пообещали хорошую работу в Нью-Йорке, и он решил остаться подольше. Однако из этого ничего не вышло, и теперь он израсходовал деньги на проезд и вынужден был написать домой, чтобы прислали ещё. Это звучало правдоподобно, но почему-то не произвело на меня впечатления. Его постоянное присутствие действовало мне на нервы.

Вскоре до меня стала доходить информация, что Дональд тратит деньги на выпивку и каждый вечер угощает своих приятелей. Сначала я думала, что это всего лишь сплетни: парень не мог позволить себе даже пальто, откуда у него деньги на выпивку? Но подобные новости начали приходить всё чаще, и я стала подозрительной. Я знала, что его мать, Гerti, слишком бедна, чтобы поддерживать сына, равно как и большинство её друзей. Написать ей значило бы только встревожить её, и поэтому я поговорила с парой друзей с Запада. Они навели справки в Сиэтле, Такоме и в Хоум Колони⁴⁹, где жила Гerti. Из этих городов деньги Дональду не поступали. Подозрения нарастали. Вскоре после этого Дональд зашёл сказать, что он наконец получил деньги на билет и возвращается на Запад. Я вздохнула с облегчением, а также слегка устыдилась своего недоверия.

Через неделю после отъезда Дональда мы прочли об аресте Мэтью Шмидта в Нью-Йорке и Дэвида Каплана на Пьюджет-Саунд. Мы знали, что обоих разыскивали в связи со взрывом в редакции Los Angeles Times. «Джентльменское соглашение» со штатом Калифорния, власти которого пообещали воздержаться от дальнейшего преследования рабочих после признания Мак-Намара, снова было нарушено. Мне на ум опять пришёл Дональд Воуз, и прежние подозрения возродились. Различные обстоятельства указывали на его причастность к арестам этих людей. Идея о том, что ребёнок Гerti Воуз способен на предательство, казалась нелепой, но я не могла отделаться от мысли, что Дональд каким-то образом связан с арестами.

Вскоре не осталось сомнений. Верные друзья с Побережья выслали нам доказательства, указывающие на то, что Дональд Воуз получал жалование от детектива Уильяма Бёрнса и предал Мэтью Шмидта и Дэвида Каплана. Сын нашей давней соратницы Гerti, воспитанный в анархистских кругах, гость нашего дома, оказался Иудой! Это был сокрушительный удар, один из худших, что я получала за двадцать пять лет общественной деятельности.

Первым делом я решила честно изложить на страницах Mother Earth обстоятельства дела и объяснить, как Дональд Воуз оказался в нашем доме. Но если моя дорогая подруга Гerti

узнает, что её сын — шпион, это её убьёт! Герти была так счастлива, что сын, наконец, оказался «в правильной среде» и продолжит работу, на которую она положила свою жизнь. Я недоумевала, как эта ясно мыслящая и наблюдательная женщина оказалась настолько слепа к истинной натуре своего сына. Она бы ни за что не отправила его в наш дом, если бы имела представление о его подлинном характере. Я сомневалась, стоит ли публиковать правду о Дональде. Всё же рано или поздно Герти придётся узнать правду; более того, связь Дональда с нами и нашей работой ставила на карту так много, что я не могла держать это в секрете. Наши товарищи должны быть предупреждены, решила я наконец.

Я написала статью для нашего журнала, раскрывающую все обстоятельства дела. Но до того как она была напечатана, люди, представляющие защиту Шмидта и Каплана, попросили меня придержать публикацию о Дональде, так как он должен был дать показания в суде. Мне всегда были ненавистны подобные уловки, но я не могла игнорировать интересы людей, отвечающих за защиту Каплана и Шмидта.

Приближался десятилетний юбилей Mother Earth. Казалось чудом, что наш журнал пережил целое десятилетие. Он выдержал осуждение врагов и недружелюбную критику соратников и всегда ожесточённо боролся за выживание. Даже большинство тех, кто помогал основать журнал, высказывали сомнения относительно его дальнейшей судьбы. Их опасения не были беспочвенны, учитывая, как безрассудно начинался его выпуск. Блаженное неведение относительно тонкостей издательского бизнеса в сочетании со смехотворным уставным капиталом в размере двухсот пятидесяти долларов — как можно было надеяться на успех при таком старте? Но мои друзья упустили из виду самые важные факторы в активе Mother Earth: еврейскую настойчивость и безграничный энтузиазм. Они оказались надёжнее первоклассных ценных бумаг, высокой прибыли и даже всенародной поддержки. С самого начала я наметила для него двойную цель: смело освещать все непопулярные прогрессивные веяния и стремиться к единству революционной борьбы и художественного выражения. Чтобы этого достичь, мне пришлось оградить Mother Earth от партийной политики, в том числе анархической, от сектантского фаворитизма и от всех видов внешнего вмешательства, даже с добрыми намерениями. За это некоторые товарищи, бывало, обвиняли меня в использовании журнала в личных целях, а социалисты — в служении капитализму и католической церкви.

Своим выживанием журнал был обязан только преданности небольшой группы соратников и друзей, которые помогли осуществить мою мечту о независимом радикальном глашатае свободы в Соединённых Штатах. Та хвала, которую ему воздавали читатели из Америки и из-за рубежа в десятую годовщину со дня основания, доказывала, что моё дитя нашло своё место в сердцах людей. Некоторые благожелательные отзывы были особенно трогательны, так как исходили от людей, с которыми мы расходились во мнении по вопросу войны.

Вернувшись с Конференции неомальтузианцев, которая прошла в Париже в 1900 году, я включила в свой курс лекций тему контроля рождаемости. Я не касалась методов, так как данный вопрос в моём понимании представлял собой лишь один из аспектов социальной борьбы, и я не хотела рисковать попасть под арест из-за этой темы. Действительно, я так часто оказывалась на пороге тюрьмы из-за своей деятельности, что казалось неоправданным ввязываться в дополнительные неприятности. Информацию о методах

контроля рождаемости я давала только тогда, когда ко мне обращались по этому вопросу лично. Проблемы Маргарет Сэнгер⁵⁰ с почтовой службой из-за её издания «Бунтарки» и арест Уильяма Сэнгера за передачу работы своей жены о методах контроля рождаемости на рассмотрение ведомству Комстока дали мне понять, что пришло время либо прекратить лекции на эту тему, либо ответить за них. Я считала, что должна разделить с Сэнгерами ответственность за кампанию в защиту контроля рождаемости.

Ни мои лекции о контроле рождаемости, ни деятельность Маргарет Сэнгер не были новаторством. Этот путь в Соединённых Штатах проторили старый боец Мозес Гарман, его дочь Лилиан, Эзра Хейвуд, доктор Фут со своим сыном Эдвардом Уолкером и их товарищи старшего поколения. Ида Крэддок, одна из самых смелых поборниц женской эмансипации, заплатила наивысшую цену. Затравленная Комстоком и приговорённая к пяти годам тюрьмы, она покончила с собой. Все они и группа Мозеса Гармана были пионерами и героями борьбы за свободу материнства, за право рожать детей по желанию. Однако вопрос первенства ни в коем случае не умалял ценность работы Маргарет Сэнгер. Она была единственной в Америке в последние годы, кто давал женщинам информацию о контроле рождаемости, Маргарет снова подняла этот вопрос в своих публикациях после долгих лет молчания.

Эдвард Уолкер, глава клуба «Восход», пригласил меня выступить на одном из званых ужинов клуба, которые проводились каждые две недели. Его организация была одной из немногочисленных свободных форумов в Нью-Йорке, открытых для свободного самовыражения. Я часто выступала там с лекциями по различным социальным вопросам. На этот раз я выбрала тему контроля рождаемости, намереваясь откровенно обсудить методы контрацепции. Я предстала перед одной из самых многочисленных аудиторий в истории клуба, насчитывающей около шестисот человек, среди которых были врачи, адвокаты, художники, мужчины и женщины либеральных взглядов. Большинство из них были серьёзными людьми, собравшимися, чтобы оказать моральную поддержку беспрецедентному событию, которым являлась эта первая публичная дискуссия. Все были уверены, что меня арестуют, и некоторые друзья пришли, чтобы при необходимости внести за меня залог. Я взяла с собой книгу на случай, если придётся провести ночь в полицейском участке. Такая возможность не беспокоила меня, но мне было не по себе от мысли, что некоторые гости пришли из любопытства, ради сексуальных подробностей, которые ожидали услышать этим вечером.

Я начала с введения в тему, раскрыв исторические и социальные аспекты контроля рождаемости, а затем перешла к обсуждению многочисленных средств контрацепции, их использования и эффектов. Я говорила прямо и открыто, так же, как могла бы рассказывать об обычной дезинфекции и профилактике. Вопросы и последующее обсуждение показали, что я выбрала правильный подход. Несколько врачей похвалили меня за описание такой сложной и деликатной темы в столь ясной и естественной манере.

Меня не арестовали. Кое-кто из друзей боялся, что меня могут забрать по дороге домой и вызвались проводить меня до дверей. Шли дни, а власти так и не предприняли никаких шагов. Это было ещё более удивительным ввиду ареста Уильяма Сэнгера, который сам ничего не говорил и не писал. Люди недоумевали, почему меня, которую так часто

арестовывали за нарушение закона, оставили на свободе в тот момент, когда я намеренно его нарушила. Возможно, причиной бездействия Комстока стало осознание, что люди, посещающие собрания клуба «Восход», вероятно, уже пользуются контрацептивами. Я решила, что стоит прочесть эту лекцию на своих воскресных собраниях.

Наш зал был полон народу, в основном это были молодые люди, в том числе студенты Колумбийского университета. Интерес, проявленный публикой, был даже большим, чем на ужине в «Восходе»; молодые люди задавали более откровенные и личные вопросы. Я говорила без обиняков, но ареста не последовало. Очевидно, мне следовало сделать ещё одну проверку в Ист-Сайде.

Эту затею мне пришлось отложить на некоторое время из-за других обязательств. Студенты из Объединённой теологической семинарии, завсегдатаи моих воскресных лекций, пригласили меня выступить перед ними. Я согласилась, предупредив парней, что они наверняка столкнутся с противодействием со стороны факультетской администрации. Как только стало известно, что язычница собирается вторгнуться в теологическую святыню, разразилась буря, бушевавшая долго после назначенного дня проведения лекции. Студенты настаивали на своём праве слушать того, кого им хочется, пока администрация не сдалась и не согласовала новую дату.

В то же время я прочла ещё одну лекцию, «Несостоятельность христианства», где уделила особое внимание Билли Сандею⁵¹, которого считала современным клоуном от религии, и чей цирк в то время давал представления в Патерсоне. Учитывая, какие диктаторские методы применяли власти против митингов бастующих и радикальных собраний, предоставленная Билли и его шоу полицейская защита была вдвойне возмутительной. Наши товарищи планировали протестную акцию в Патерсоне и пригласили меня выступить. Я считала, что было бы несправедливо осуждать Билли Сандея, предварительно не изучив, что это за человек и что он выдаёт за религию. Мы с Беном поехали в Патерсон послушать этого самозванного мессию.

Ещё никогда христианство не казалось мне настолько лишённым смысла и достоинства. Вульгарность Билли Сандея, грубые намёки на непристойности, эротические эскапады и отвратительная похотливость, облачённые в теологическую фразеологию, лишали религию малейшей духовной значимости. Меня тошнило от его речи, и я не смогла дослушать её до конца. Глоток свежего воздуха принёс облегчение после атмосферы пошлых высокопарных разглагольствований и сексуальной эквилибристики, которыми он доводил публику до сладострастной истерии.

Несколько дней спустя я читала в Патерсоне лекцию «Несостоятельность христианства» и цитировала Билли Сандея как пример внутренней деградации этой религии. На следующее утро газеты заявили, что своим богохульством я вызвала гнев Божий. Оказалось, что зал, в котором я выступала, загорелся после того, как я его покинула, и сгорел дотла.

Моё турне в этом году не встречало противодействия полиции, пока мы не приехали в Портленд, штат Орегон, хотя темы, которые я затрагивала, были отнюдь не банальными: антимилитаризм, борьба за Каплана и Шмидта, свобода любви, контроль рождаемости и

наиболее табуированная проблема в благовоспитанном обществе — гомосексуальность. Комсток со своими пуристами также не пытались остановить меня, хотя я открыто рассказывала разнообразной публике о методах контрацепции.

Попытка цензуры была предпринята некоторыми моими товарищами, так как я затрагивала такую «противоестественную» тему, как гомосексуальность. Они доказывали, что анархизм и так неверно истолковывают, а анархистов считают порочными; неосмотрительно приумножать эти заблуждения, рассматривая извращённые формы секса. Веря в свободу мнений, даже если они высказывались против меня, я не обращала большого внимания на цензоров — ни в рядах соратников, ни в стане врага. На самом деле цензура со стороны товарищей оказывала на меня то же воздействие, что и полицейское преследование: я становилась увереннее в себе, была более решительно настроена заступиться за каждую жертву социальной несправедливости или моральных предубеждений.

Мужчины и женщины, которые подходили ко мне после лекций о гомосексуальности, доверившие мне истории о своих страданиях и одиночестве, зачастую были лучше тех, кто отвергал их. Большинство из них пришли к пониманию своей инаковости спустя годы борьбы, направленной на подавление того, что они считали болезнью и постыдным физическим недостатком. Одна молодая женщина призналась мне, что за двадцать пять лет жизни она не помнит дня, когда присутствие мужчины, даже её собственного отца и братьев, не вызывало у неё тошноты. Чем больше она старалась отвечать на сексуальное внимание к ней, тем более мерзкими ей казались мужчины. Она возненавидела себя за то, что не могла любить своего отца и братьев так, как любила мать. Она мучилась раскаянием, но отвращение лишь усиливалось. В восемнадцать лет она приняла предложение выйти замуж в надежде, что длительные отношения помогут ей привыкнуть к мужчине и излечат её от этой «болезни». Но это закончилось ужасным провалом и почти довело её до безумия. Она не могла выносить брак и не смела признаться в этом своему жениху и друзьям. Она сказала, что никогда не встречала никого, кто страдал бы от подобного недуга, и ничего не читала на эту тему. Моя лекция освободила её, я вернула ей чувство собственного достоинства.

Эта женщина была лишь одной из многих, кто подошёл ко мне. Их печальные истории представили социальный остракизм, которому подвергались гомосексуалы, в ещё более ужасном свете, чем я себе представляла. Для меня анархизм был не просто теорией об отдалённом будущем, а актуальным веянием, способным освободить нас от запретов — внутренних, равно как и внешних, и от разрушительных преград, которые разъединяют людей.

Лос-Анджелес, Сан-Диего и Сан-Франциско побили все рекорды по количеству посетивших наши митинги и проявленному к нашей работе интересу. В Лос-Анджелес меня пригласил Женский городской клуб. Пятьсот представительниц моего пола, от шикарных до скромных, пришли послушать моё выступление на тему «Феминизм». Он не смогли простить мне критическое отношение к пафосным и невыполнимым заявлениям суфражисток относительно тех прекрасных вещей, которыми они займутся, когда получат политическую власть. Они заклеили меня врагом женской свободы, а участницы клуба подскочили с мест, чтобы осудить меня.

Этот инцидент напомнил мне о похожей ситуации, когда я читала лекцию о женской жестокости по отношению к мужчинам. Всегда занимая сторону обиженных, я презирала привычку представительниц моего пола обвинять во всех бедах мужчин. Я отметила, что, если мужчина действительно такой злодей, каким его рисуют дамы, женщина также несёт за это ответственность. Мать — первый человек, который оказывает влияние на его жизнь, именно она возвращает в нём тщеславие и самомнение. Сёстры и жёны идут по стопам матери, не говоря уже о любовницах, которые завершают её работу. Я утверждала, что женщина по природе непоследовательна: с самого рождения сына и до тех пор, пока он не достигнет зрелости, мать делает всё, чтобы привязать его к себе, но при этом ей не нравится видеть его слабым, она жаждет вырастить мужественного человека. Она боготворит в нём те самые черты, которые помогают его поработить — его силу, самолюбие и раздутое тщеславие. Непоследовательность моего пола заставляет бедного мужчину метаться между кумиром и деспотом, любимцем и скотом, беспомощным ребёнком и покорителем миров. По факту именно женская жестокость делает мужчину тем, кто он есть. Когда она научится быть такой же самостоятельной и решительной, как он, когда она наберётся смелости исследовать жизнь, как это делает он, и заплатить за это положенную цену, она получит освобождение и поможет стать свободным ему. После этого мои слушательницы вскочили с мест и закричали: «Ты защитница мужчин, а не одна из нас!»

Наши приключения в Сан-Диего два года назад, в 1913 году, оказали на меня такое же влияние, какое та ночная поездка в 1912 году — на Бена. Я была настроена вернуться и прочитать свою запрещённую лекцию. В 1914 году один из наших друзей поехал в Сан-Диего и попытался арендовать зал. Социалисты, у которых было своё помещение, отказались иметь со мной дело. Другие радикальные группы были настолько же нерешительны, поэтому пришлось отказаться от этого плана. Однако я пообещала себе, что я к нему ещё вернусь.

В этом, 1915 году, мне посчастливилось иметь дело с настоящими мужчинами, а не с ничтожествами в мужских костюмах. Одним из них был Джордж Эдвардс, музыкант, который предложил нам помещение Консерватории, когда мы впервые попали в неприятности из-за вигилантов. Вторым был доктор А. Лиль де Жарнет, баптистский священник, который бросил церковь и основал Открытый форум. Эдвардс стал законченным анархистом, который посвятил себя движению. Он положил на музыку «Ураган» Вольтарины де Клер, «Сон, навеянный дикими пчёлами» Оливии Шрейнер и «Великого инквизитора» из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Теперь он был полон решимости помочь мне вернуться в Сан-Диего и установить там право на свободу слова. Доктор Жарнет учредил Открытый форум в знак протеста против агрессии вигилантов. С тех пор форум превратился в большую жизнеспособную организацию. Мы договорились, что я проведу там три лекции, чтобы разрушить заговор в Сан-Диего.

Недавно избранный мэр города, имеющий репутацию либерала, заверил представителей Открытого форума, что мне позволят выступить, и он не допустит вмешательства вигилантов. Изменение тона властей Сан-Диего было связано, вероятно, с тем обстоятельством, что положение города сильно ухудшилось из-за трехлетнего бойкота. Но наши прежние злоключения в этом городе не позволяли нам особо доверять заявлениям чиновников. Мы предпочитали быть готовыми к возможным чрезвычайным происшествиям.

Я уже давно решила, что вернусь в Сан-Диего без Бена. Я планировала поехать одна, но, по счастью, в то время Саша оказался в Лос-Анджелесе. Я знала, что могу рассчитывать на его самообладание в сложной ситуации и на абсолютное бесстрашие перед лицом смертельной опасности. Саша и мой романтический поклонник Леон Басс уехали в Сан-Диего на два дня раньше меня, чтобы оценить обстановку. В компании Фитци и Бена Кейпса я спокойно выехала из Лос-Анджелеса на автомобиле. Мы приближались к городу вигилантов, и мне представился Бен в окружении четырнадцати головорезов. Мы ехали по тому же пути, что и они в тот раз, когда Бен был во власти этих дикарей, которые избивали и унижали его. Я представляла, как он корчится от боли, а рядом с ним нет никого, кто мог бы прийти на помощь или избавить его от страха. С тех пор прошло всего три года. Я была свободна, рядом со мной были дорогие друзья, и мы в безопасности ехали сквозь благоухание летней ночи. Я наслаждалась красотой вокруг: с одной стороны покоился золотой Тихий океан, с другой — громоздились величавые горы, причудливые силуэты которых возвышались над нами. Всё это великолепие природы, очевидно, было насмешкой для Бена, издевательством, как и жестокость его мучителей. 14 мая 1912 – 20 июня 1915 года — и какая большая между ними разница! Но что же нас ожидает в Сан-Диего?

Мы прибыли в 4:30 утра и поехали прямо к маленькой гостинице, где Саша забронировал для нас комнаты. Он сообщил, что владелец зала не разрешает мне выступать в его помещении, но доктор Жарнет и другие члены Открытого форума были намерены довести наше дело до конца. Зал принадлежал им по праву годовой аренды, ключи были у них, и было решено захватить его и охранять каждый вход.

Когда в 11 утра начался митинг, мы узнали, что в зале присутствует отряд вигилантов. Ситуация была напряжённой, атмосфера наэлектризованной, сдерживаемой экзальтацией. Она послужила достойным фоном для темы моей лекции, которой был «Враг народа» Ибсена. Наши люди были начеку, и никаких эксцессов не произошло, поскольку вигиланты, видимо, не решались проявлять враждебность.

Во второй половине дня лекция была посвящена Ницше, и снова зал был полон, но на этот раз вигиланты не явились. Вечером я говорила о борьбе Маргарет и Уильяма Сэнгеров, связанной с важным вопросом контроля рождаемости. День закончился без каких-либо потрясений. Я понимала, что мы одержали победу в большей мере благодаря товарищам, павшим в борьбе за свободу слова три года назад — Джозефу Миколасеку, убитому в драке, сотням членов ИРМ и другим людям, включая Бена, которых избивали, бросали в тюрьму и вывозили из города. Мысль о них придавала мне стойкости и побуждала действовать.

Бен настоял на том, что он снова должен вернуться в Сан-Диего, и он приехал туда позже, не на публичное мероприятие, а чтобы убедиться, что не боится. Он отправился на ярмарку с матерью и парой друзей. Никто не обращал на него внимания. Заговор вигилантов был разрушен.

Среди многочисленных друзей в Лос-Анджелесе больше всех помогали и заботились о моих делах и благополучии доктор Персивал Джерсон со своей женой. Они заинтересовали моими лекциями сотни человек, предоставили мне возможность выступать у них дома и развлекали всеми доступными способами. Именно доктор Джерсон выхлопотал мне

приглашение выступить перед клубом имени Кэролайн Северанс, соратницы Сьюзан Энтони, Джулии Хоу и группы борцов старшего поколения.

Перед началом лекции мне представили человека, который должен был вести мероприятие в отсутствие председателя. В нём не было ничего выдающегося, он сидел, погрузившись в чтение моей книги «Анархизм и другие эссе». Во вступительном слове ведущий, чьё имя было Трэйси Бекер, поразил публику, заявив, что он был связан с окружной прокуратурой в Буффало, когда убили президента Мак-Кинли. Он сказал, что до недавнего времени считал Эмму Гольдман преступницей — не той, что отважилась на убийство сама, а той, что беспринципно манипулирует неокрепшими умами и побуждает их к преступлениям. На процессе по делу Леона Чолгоша он был уверен, что именно я спровоцировала убийство президента, и считал, что я должна заплатить за это высшую цену. С тех пор он прочитал мои книги, поговорил с некоторыми моими друзьями и осознал свою ошибку, теперь он надеялся, что я прощу ему былую несправедливость.

После его слов повисла гробовая тишина, и взгляды зрителей обратились ко мне. Меня будто парализовало из-за внезапного воскрешения трагедии в Буффало, и поначалу нетвёрдым голосом я заявила, что, поскольку все мы — звенья одной социальной цепи, никто не может избежать ответственности за поступки вроде того, что совершил Леон Чолгош, — даже председатель. На том, кто остаётся равнодушным к условиям, которые приводят к актам насилия в знак протеста, есть доля вины за это. Даже те из нас, кто разбирается в ситуации и добивается фундаментальных изменений, не освобождаются от вины в полной мере. Слишком поглощённые работой ради лучшего будущего, мы часто остаёмся глухи к тем, кто умоляет о сострадании и понимании и жаждет поддержки родственных душ. Леон Чолгош был одним из таких людей.

Я говорила с возрастающим волнением, описывая мрачную судьбу мальчика, его раннее окружение и жизнь. Я пересказала впечатления журналистки из Буффало, которая поведала мне, что она испытала во время суда над Чолгошем, и указала на причины поступка Леона и его мученической смерти. Я не таила обиды на человека, который признался в своём желании послать меня на электрический стул. На самом деле я скорее восторгалась честностью, с которой он признал свою ошибку. Но он воскресил в моей памяти жестокость того времени, и я была не в настроении встречаться с ним или выслушивать его никчёмные любезности.

Выставка в Сан-Франциско была в разгаре, и количество людей в городе фактически удвоилось. Билеты на наши лекции, которых за месяц было проведено в общей сложности сорок, продавались не хуже, чем на это грандиозное мероприятие. Самым значимым было моё появление на Конгрессе религиозных доктрин. Это удивительное событие произошло благодаря мистеру Пауэру, который занимался организацией заседаний на Конгрессе. Он познакомился со мной на Востоке и, узнав о том, что я в Сан-Франциско, пригласил меня выступить.

Публичный конклав религиозных философов проходил в городском доме конференций, одном из самых больших залов на Западе. Место председателя, почтенного джентльмена, который внезапно сказался больным, как только узнал, кто собирается выступить, занял

представитель журналистской братии. Таким образом я оказалась между дьяволом и глубоким морем, и этими словами начала своё выступление об атеизме. Это вступление развеселило публику. На сцене в окружении служителей церкви всех возможных конфессий мне понадобилось всё моё чувство юмора, чтобы подняться до уровня торжественности этого события.

Атеизм — довольно деликатный вопрос, с которым не просто справиться в подобных обстоятельствах, но каким-то образом мне удалось выкарабкаться. Я видела испуг на лицах теологов, которые протестовали против моего скандального отношения к религии. Но большинству присутствующих моё выступление, очевидно, понравилось, ведь их шумная поддержка едва не сорвала Конгресс, после того как я закончила. Вслед за мной выступал раввин, который начал свою речь словами: «Несмотря на всё, что мисс Гольдман наговорила против религии, она самый религиозный человек из всех, кого я знаю».

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 18 апреля 2025 20:05:15

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 18 апреля 2025 20:06:03